

Владимир Бердов

Кирзовая сумка

Владимир Бердов

Кирзовая сумка

«Издательские решения»

Бердов В. А.

Кирзовая сумка / В. А. Бердов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-963169-5

Моя книга ориентирована на сельских жителей, моих односельчан, родственников и друзей... Думаю, что и более молодому поколению будет интересно прочитать эту книгу.

ISBN 978-5-44-963169-5

© Бердов В. А.
© Издательские решения

Содержание

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	6
Из книги известного немецкого писателя Александра Фитца «Письмо Канцлеру»	7
ПРИЗНАНИЕ	8
КИРЗОВАЯ СУМКА	9
ЕЛКА	10
ПОХОДНЫЙ ЧЕЛОВЕК	11
ДЕЛО БЫЛО В ПЕНЬКОВО	13
ФРОСИНА КАША	15
КИРЗОВАЯ СУМКА	17
БАСАРГА	18
СРЕДИ ДОБРЫХ ЛЮДЕЙ	20
ФОТОГЕНИЧНАЯ ПРОФЕССИЯ	23
Один из выпусков института «Гармония» при ТЦ «Амурский»	24
Интервью	25
ГРАМОТЕИ	26
(надпись на детской площадке)	27
МИМОЛЕТНОЕ ЗНАКОМСТВО	28
«ГОВОРIT АРОМАШЕВО»	29
НЕТИПИЧНАЯ ЖУРНАЛИСТИКА	31
ЗА ПРАВДОЙ...	33
Плагиат и штампы	34
Фотогеничная профессия	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Кирзовая сумка

Владимир Андреевич Бердов

© Владимир Андреевич Бердов, 2019

ISBN 978-5-4496-3169-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Владимир Бердов

Кирзовая сумка

Непридуманные истории прошлого и настоящего

Омск

2011

Семь лет службы на флоте и в пехоте, десять – работа в газетах и на радио, более двадцати – в педагогике без отрыва от журналистики да сорокалетняя практика дневниковых записей. Все это в какой-то степени подтолкнуло автора к письменному столу.

Перефразируя известную поговорку, Владимир Бердов построил баню, шалаши посадил несколько деревьев и кустарников, вырастил сына и двух дочерей и сейчас занимается воспитанием внуков.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

«Вспоминаю армейскую газету «Ленинское знамя», Красноярск, себя молодого и в форме, и еще Владимира Бердова, очень русского, очень талантливого парня, который писал хорошие стихи и трепетные рассказы.

Вместе мы прослужили год. Потом я демобилизовался, а он, т.к. был моложе и, соответственно, призвался позже, остался.

Несколько лет, пока я жил в Алмалыке, мы переписывались, потом я переехал в Ташкент, затем в Москву, и мы потеряли друг друга.

Еще в армии, опекая его, как «старик» «молодого», я был убежден, что проявляю заботу о втором Иванове-Разумнике, Вампилове, Василии Белове, а может, даже Куприне.

Живя в Москве и в Мюнхене, я задумывался: ну где же этот сибирский парень, тем более, что его романам, повестям или рассказам давно пора осветить небосвод российской словесности. Но нет, Бердов не появлялся. И вдруг звонок из выходящей в Кельне газеты «Контакт»: «Вас разыскивает армейский товарищ Владимир Бердов, живущий в Омске. Продиктовать телефон?» «Конечно, диктуйте!»

И вот я слышу голос из юности. Мы вспоминаем Красноярск, нашу многотиражку, типографию, редактора-чудака Бердичевского, самоволки... Впрочем, все это эмоции, а вот потрясение в том, что Бердов не стал великим русским писателем. Он, оказывается, стал журналистом. Уверен, что квалифицированным, надежным, оперативным. Но родился-то он, чтобы стать Писателем. Талантище в нем было огромное. Но не стал, позволив втянуть себя в суету и повседневность будней. И в этом, а не в чем ином, как раз и кроется, пресловутая загадка русской души и русского характера...»

**Из книги известного немецкого писателя
Александра Фитца «Письмо Канцлеру»**

ПРИЗНАНИЕ

Жене Раисе

В нашей жизни
так порой случается,
Словно русла
разных прежде рек,
Судьбы двух людей
объединяются,
Когда встречен
главный человек.

Мы с тобой
на теплоходе встретились
Летнюю прекрасную
порой:
Хорошо, что общий
путь наметили
И пошли
дорогою одной.

Ты мой друг,
судьба моя, советчица.
И хотя порой
упрямый я,
Но капризы все
тобою лечатся —
Без тебя мне
впрямь никак нельзя!

Милая, любимая,
родная!
Ты мой самый
главный Человек.
И с годами
больше понимаю:
Ты моя судьба,
мой оберег!

10.02.2011г.

КИРЗОВАЯ СУМКА

Елка
Походный человек
Дело было в Пеньково
Фросина каша
Кирзовая сумка
Басарга
Среди добрых людей

ЕЛКА

В наших лесах не было хвойных пород деревьев, и накануне новогодних праздников школьный завхоз Иван Петрович снаряжал подводу в балахлейский или новопетровский бор. Дело ответственное: нужно подобрать и привезти к сроку школьного праздника добрую ель. Для Кармацкого это не впервой, но каждый раз волнительно: угодит ли школьному начальству, а главное – детворе?..

В дорогу готовился основательно: бросал на сани-розвальни девятиовчинный тулуп, топор, веревки. Памятуя о крестьянской поговорке «Едешь на день, а еды запасай на три», брал с собой кусок сала, каравай домашнеиспеченного хлеба и «сороковушку» для сугрева. Логиновская поллитровка, выданная для «дипломатических» переговоров с лесничим, была завернута отдельно, но и она согревала настроение: всякий раз из нее наливалось и Петровичу.

Задобренный лесничий давал полный карт-бланш, и смекалистый завхоз, преодолевая снежные заносы, долго примерялся, приглядывался к разлапистым сосенкам и елочкам, выбирая деревце попышнее и постройнее.

Часто в один день не управлялся, и приходилось заночевывать у знакомых. Для соблюдения секретности на обратном пути Иван Петрович подгадывал и въезжал в село вечером.

Устанавливать и украшать елку поручалось старшеклассникам, и спортзал закрывался от любопытной «милюзги». Каждый класс вносил свою новогоднюю лепту: придумывали и мастерили карнавальные маски, раскрашивали и клеивали картофелинами, сваренными в мундире, серпантинные ленты, сочиняли веселые поздравления в школьную стенгазету.

Дома елки не ставили, разве что несколько начальственных семей позволяли себе эту «роскошь», и поэтому школьная елка была сюрпризом для детворы, и волнительные ожидания усиливали торжественность праздника.

О елках школьной поры у каждого свои воспоминания. Для меня это хруст зимнего яблока из большого подарочного кулька, аромат шоколадных конфет, обернутых в «драгоценные» фантики и Дед Мороз, в котором мы, став постарше, угадывали наших учителей...

На новогодних праздниках зарождались искорки любви, и почтальоны-разносчики признательных записок были тому свидетелями.

Сколько же нужно времени, чтобы мальчишка, робко дергающий понравившуюся девчонку за косички, осмелился, наконец, пригласить ее на танец, шепнуть на ушко что-то тайное и коснуться пересохшими губами до ее румяной нежной щеки, не получив ответную оплеуху?

... Последний раз на школьную елку я попал через несколько дней после службы в армии, и моим «карнавальным костюмом» была сержантская форма с армейскими значками. Приглянувшаяся старшеклассница не сразу согласилась со мной танцевать: «староват!». В перерывах между танцами ее классный руководитель, однорукий историк, нашептывал:

– Девчонка, что надо. Отличница, королева, если соответственно приодеть!

Королева была неподступна. После новогоднего вечера я выскочил ее проводить и, настигнув у школьной калитки с дрожью в коленках, попытался взять под руку, она сверкнула на меня глазами:

– Дяденька, не надо! – и скрылась в зафонарной темноте.

Когда я рассказал об этом другу Петьке, он долго «ржал», тыча в мою сторону пальцем: «Дя-день-ка!».

Всякий раз, наряжая с детьми и внуками домашнюю елку, вспоминаю светлые новогодние праздники далекого детства, когда елка таинственно «приходила» к нам и так же «уходила». После праздников ее не выбрасывали на всеобщее обозрение, как это делается сегодня, а прибирали и распиливали на заготовки для школьной мастерской.

ПОХОДНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Зимним вечером, когда мать была на дежурстве, а я, разложив вокруг керосинки, книжки и тетрадки, делал уроки, в закуржавленное окно постучали. Из темноты палисадника пялилось и что-то маячило небритое одноглазое лицо. Младшая сестренка спала на печи, и я заробел. Случалось, незнакомцы и раньше к нам стучались, но этот пиратского вида старик почему-то не вызывал доверия, и я долго не осмеливался ему открывать. И только, когда он начал дуть на руки и приплясывать под окном, я его пожалел.

Еще в снях он с акцентом затараторил:

– Моя Аптула теревня, там учительнищал. Вы не пойтесть меня, ропята.

Обснеженные валенки он снял в холодных снях и, смешно перешагивая разматывающимися портянками через высокий порог избы, продолжал извиняться и оправдываться:

– Я тут по телам пыл, немноко затершалса.

Как выяснилось в разговоре, ему было около шестидесяти, но выглядел он много старше. Наверно, его старила линиялая фуфайка, подпоясанная ремнем, козья шапка и седеющая небриротость на лице.

Развязывая залатанную котомку, он попросил поставить на печку-железянку с полведра воды:

– Отнако шипко нынще устал и ись охота.

Когда вода начала закипать, старик бросил в ведро пучок душистой травы. Затем достал начатый полукруг хлеба и сверток сала, чем немало удивил: из рассказов одноклассника Марика я знал, что татары сало не едят.

После нескольких кружек мутновато-коричневого напитка постоялец отогрелся, повеселел, и его покрывшаяся капельками пота бритая голова совсем не пугала. Допивать полуведерный «самовар» он подсел к затухающей, но все еще обдающей теплом железянке. Покряхтывая от удовольствия, старик завел то ли быль, то ли небылицу:

«Возле одной деревни была высокая гора, над которой с неба свисал пеньковый канат. Всякий раз, чтобы рассудить какой-то спор, деревенские мужики поднимались на гору. Кто был прав, тот до каната доставал, а виноватый достать не мог.

Так было до тех пор, пока в деревне не появился пришлый человек. Как-то он занял деньги у соседа и отперся. Привели виноватого и пострадавшего на гору справедливости и велели доставать до каната. Тот, кто давал деньги, поднял руку и сразу достал. Пришел черед виновному доставать. Он был хитрый и под предлогом, чтобы ловчее до каната достать руками, отдал свой костыль подержать тому, с кем судился. Протянул руки и тоже достал до каната. Народ удивился: как это оба правы?

А у виноватого в костыле было высверлено полое место, куда он засунул деньги, в займе каких отпирался. Так получилось, что с костылем он отдал деньги заемщику и потому дотянулся до каната.

Так он обманул всех, но с тех пор канат поднялся на небо, и больше его никто не видел. А на горе на пожертвования построили храм, и люди ходили туда за правдой».

Вместе с печкой «потухли» и сказки постояльца. Старик по-походному скрючился в углу на своей фуфайке и притих... Утром его на месте не оказалось. Он ушел засветло, чтобы с ишимскими бензовозами добраться до своей деревни. Пьянящий аромат заваренного разнотравья стойко держался в избе. И его нельзя было скрыть от матери, которая, уходя в ночное дежурство, всегда наказывала: «Незнакомцам не отворяйте!». Но в тот раз мы рассказали ей про доброго сказочника, и она нас не ругала.

Ближе к лету аптулинский киномеханик, приехавший в наш клуб за киобанками, заскочил к нам и передал от старика гостинец: ученическую тетрадь и начатый сине-красный карандаш.

Имя этого походного человека я забыл, а сказка, которую он рассказывал, в памяти запечатлилась. Сам ли он ее придумал или вычитал где, когда в комсомольские годы работал избачом-книгоношей.

ДЕЛО БЫЛО В ПЕНЬКОВО

Площадь в несколько сот метров приветный кротовский уголок, прозванный Пеньково, с одной стороны примыкал к реке Балахлей, а с севера отделялся от кладбища грунтовым большаком. Здесь располагались цеха промартелей и стояла известная аптека тети Лизы Андреевой. А чуть дальше в березовой роще – сельская больница.

Говорят, когда работала местная гидростанция, то неподалеку от нее было и пенькопроизводство. Об этом напоминают бесконечные копани да прозвище «Пеньково».

Сегодня конопля попала в немилость и в разряд криминогенного продукта, а до войны под ее посевы отводились значительные площади. Она росла в огородах, как и мак, украшая сельские палисадники. И, слава Богу, что людей того времени не привлекала пагубная страсть – тяга к наркомании. Прежде чем пустить коноплю в производство, стебли вымачивали и из семян выжимали прекрасное пищевое масло. Затем коноплю вымачивали и высушивали тресту, которая после переработки шла на изготовление грубой посконной ткани и веревок.

В одном из домов, где мы с матерью квартировали, в межкомнатной стене было проделано отверстие. По детской наивности я думал, что оно служит для подглядывания, и иногда этим пользовался. Но позже мне объяснили, что через него пропускали крученую пеньку и зимними вечерами мужики вили веревки.

Еще одна пеньковская достопримечательность – кирпичный заводик. Производство это было высокорентабельным, поскольку глину – основное сырье, добывали тут же. Казалось, грохот ленточных транспортеров и гул обжиговых печей не смолкали здесь ни днем ни ночью. Кирпичей производили порядком, но что-то мало было в селе домов кирпичной кладки.

В холодную осеннюю пору, озябшие на рыбалке, мы бежали сюда погреться. А возвращаясь к своим удочкам, непременно прихватывали по несколько кирпичей, на которых жарили небогатый улов или нанизанные на прутики обабки из ближнего лесочка.

Но больше нас к пеньковской стороне притягивали старые тополя. По весне здесь собиралось молодежи больше, чем у сельского клуба. У веревочных качелей, встроенных между огромных деревьев, всегда было шумно и очередно. Хотя, главной притягательницей была лапта. Играли в основном взрослые и подростки. Лаптой увлекались и в других уголках села, но здесь было как-то престижней, хотя и не всякого принимали в команду. Когда брал в руки биту Ванька Хомич, собравшиеся на поляне замирали. Он редко промахивался и так запуливал самодельный губчатый мяч, что его долго приходилось искать. Быть «осоленным» его метким броском мало кто хотел. Особенно с визгом уворачивались девчонки. Но Ванька нарочно метил в женские прелести. До самых потемок ребягня резвилась у старых тополей, и родители знали, где их искать.

Когда беготня нам наскучивала, мы собирались в доме изобретательного Вовки Кондрюкова. Назвать домом их покосившуюся избушку под дерном, было трудно. На крыше Вовка прилаживал репродуктор, который, заглушая лай собак, горланил на всю окраину. Иногда он включал микрофон и через усилитель транслировал какую-нибудь шуточную информацию. Но это уже считалось хулиганством, и местный участковый с серьезными предупреждениями наведывался к доморощенному диктору. Для осуществления своих творческих идей Вовка часто обшаривал местные мехмастерские. Утащить с охраняемого объекта автомобильный аккумулятор или подшипники для колесянки ему ничего не стоило. А однажды укатил целое колесо, разбортовал его и вынутую камеру приспособил для плавания. Я был свидетелем, как он накидывал на освещенную фару полу своей фуфайки и тяжелым предметом разбивал ее. Еле слышный хруст стекла и лампочка была в его руке.

Став постарше, Вовка остепенился и при напоминании эпизодов озорного детства с легкой усмешкой отшучивался. Имея всего лишь начальное образование, он знал радиотехнику на уровне хорошего инженера. После армии я работал на радио, и, если случались в моих магнитофонах поломки, он охотно меня выручал. Зная, что лучше его в этом деле никто не разбирается, к нему несли все – от простой настенной «тарелки» до телевизора. Иногда, его просили покопаться в мототехнике, Кондюков и в этом разбирался, но всегда отсылал к другому умельцу, Петьке Чуракову, который в этих вопросах кумекал больше.

Деревня всегда жила с юмором в ладу, и прозвища здесь давали меткие, словно в паспорт вписывали. Кондюков непременно был Кондратом, Чураков – Чурой, бабушка Шутова – Шутихой, а Колесова – Колесихой. Можно бесконечно называть фамилии и имена – прозвища сельчан, которые в большинстве своем шуточно – безобидные. Но и к ним еще прилаживалось место проживания.

В километрах двух от пеньковской окраине Балахлей размывался вширь, излюбленное место рыбалки —Красный омут. Я не помню, чтобы тут купались. Напуганные таинственными страшилками взрослых и длиннохвостыми ондатрами, которые могли кое-что откусить, ребятишки не осмеливались входить в воду. Когда рыбалка удочками не удавалась, случалось и хулиганили: вытрясали поставленные неподалеку местными промысловиками мордушки (плетеные из ивняка рыболовные снасти).

Как-то в очередном рейде по рыболовным садкам школьный трудовик Алексей Павлович заметил на одной из запруд копошащихся и громко переговаривающихся ребятишек. Затаился в кустах и, дождавшись, пока они наполнят карманы и насуют в запазухи трепыхающихся окуней и чебаков, неожиданным медведем вышел на них. Старший подстрекатель Вовка Брызгалов успел улизнуть, а троицу приятелей, словно альпинистов, в одной связке повел в село. Заплаканных и чумазых, с вещдоками под рубахами, доставил их к сельсовету. Время было страшное, и в конторе никого не оказалось. Сбежавшиеся бабы «облаяли» Василия и освободили пленников. Мальчишки были из безотцовских семей, и за них по-мужицки некому было заступиться. А дома от матерей они получили еще и по подзатыльнику.

Вовка Кондюков в этой акции не участвовал. У него хватало своих, более серьезных, приключений. После того, как он подвел провода от комбайнового магнета к дверной ручке класса и вредная историчка попала на контакт, Вовку из школы турнули.

ФРОСИНА КАША

Вечерами, управившись с домашними делами и отужинав, люди собирались в клубе или на соседских посиделках. У Фроси Леоновой, кроме нескольких куриц да приبلудного пса, по кличке «собака», никакого хозяйства не было. Сунув за пазуху бутылку... керосина, она шла к соседям, где собирались картежники близлежащих домов. Электричества на заречье не было, и приходилось жечь керосиновые лампы. Засиживались подолгу, и каждому полагалось вносить керосиновый пай. Карты были самодельные, их хорошо наладился мастерить курганский Ванька Китаев. Часто и он сидел тут же. Картежник и балагур, он был непревзойденный, и по заранее продуманному им сценарию умело демонстрировал проигрыш, разжигая азарт соперников. Особенно ликовала и радовалась, как ребенок, Фрося. Хозяйка на нее цыкала: за стеной спали дети, которым утром в школу.

«Прохлопав» несколько партий и чувствуя, что картежное шоу пора переворачивать в другую сторону, Ванька подмигивал своей команде и начинался разгром соперников. Описать эту картину, по рассказам матери, которая тоже сиживала в этой компании, под силу только таланту Гоголя. Играли трое на трое, и уже после нескольких проигрышей, Леонова начинала нервно чесаться и сигналить, наступая на ноги под столом своим компаньонам. Ванька давал послабление нервному напряжению еще двумя – тремя проигрышами, и уж потом они начинали окончательно добивать соперников. В предчувствии полного провала, Фрося нервно швыряла карты и, разрядившись матерками, выскакивала за двери. Игра расстраивалась. Дня три она переживала поражение, и компания без нее скучала.

Если в картежной команде ее психовывады терпели и потешались, то ни в совхозе, ни на другом производстве работать с ней не хотели.

Одну весну полевод Дубровин на свой страх и риск все же решил доверить ей кашеварство на период посевной. Моя мать готовила механизаторам на соседнем полевом стане. Както прибегает к ней через вспаханное поле вся растрепанная, раскрасневшаяся Фрося и чуть не плачет:

– Ильинична, у тебя от обеда ничего не осталось?! А то у меня кормить нечем.

Мать ее тогда выручила. Готовила Фрося не вкусно, и бригада на нее неоднократно жаловалась. А в этом случае она сварила кашу и, чтобы в нее никто не заполз, повесила котелок на березу. На солницеке она у нее и прокисла. После этого случая незадачливую повариху со скандалом убрали, приклеив прозвище «ротозея».

Я учился во втором классе, когда мать уговорили пасти личный скот. Крупные и мелкие рогатые животные водились практически в каждом дворе, и стадо с двух улиц набиралось приличное. Нужен был напарник. Но на хлопотную пастушью должность охотников не находилось. Тогда и вспомнили о Фросе, которая перебивалась поденщиной у людей.

В совместной работе с матерью они сдружились. Помощница прислушивалась к совету старшей и быстро освоила немудреное ремесло. А когда они получили первые пастушьи сборы, и вовсе посветлела лицом и подобрела. Набрала себе обновок, но с сапогами так и не расставалась. Да и где было носить эти обновки! А сапоги – самая подходящая обувь для пастуха.

Когда Фросе нужно было отлучиться от стада по каким-то делам, я всегда охотно соглашался ее подменить, и она одаривала меня десятирублевой бумажкой.

Но однажды Ефросинья все же вывела мать из себя. Придремнув на пригретом бугорке, она недоглядела, и коровы с ее фланга забрели в болото. С большим трудом удалось их оттуда выmaterить. Но одна широкобрюхая и, похоже, стельная увязла так между кочек, что пришлось бежать за подмогой. Хорошо, что неподалеку тарахтел на поле трактор и мужики не отказались помочь. Пока вытаскивали бедную животину, оттирали ее и сами отмывались от болотной жижи, мать на чем свет крыла помощницу. Фрося виновато посапывала и молчала.

У разведенного для просушки костра мать немного успокоилась, но все еще, словно скворода, только что вынутая из печки, утихающе продолжала ворчать:

– Если бы корову-то не вытащили, пришлось бы тогда все лето задаром пасти!

Виновница задумчиво слушала и, неразборчиво мыча, поддакивала.

От хорошо разгоревшегося костра отходить не хотелось, но стадо уклонилось к лесу, и мать поднялась его завернуть. Фрося осталась обсыхать. Наверно она не была бы собой, если бы и здесь с ней чего-нибудь не приключилось. Стоя у костра, она так углубилась в размышления о своей нескладной жизни, что не почувствовала, как начала подгорать на ней юбка. Когда мать прибежала на ее громкие ругательства, Леонова уже сдернула дымящуюся одежду и затаптывала ее сапогами. Мать разбирал смех, и она еле сдерживалась. А Фросе было не до смеха. Она обвязалась телогрейкой и под прикрытием стада прокралась домой, дав еще один повод сельчанам для насмешек.

КИРЗОВАЯ СУМКА

Если бы не тетка Прасковья, детство мое было бы намного облачнее. Паруня, как ласково мы ее звали, была хоть и дальней родственницей, меня привечала с особой теплотой. Я тоже отзывался на ее доброту посильной помощью по хозяйству.

Я закончил пятый класс, когда к ней на лето привезли из большого города внука Саньку Ерисова. Сын тетки Паруни недавно отслуживший в армии, сколотил для племянника незамысловатую коляску, и я возил в ней трехлетнего малыша. За лето парнишка привык, да и мне с ним было хорошо: сладостей от тетки теперь перепало больше.

Когда под осень за Санькой приехали родители, он слезно не хотел расставаться с нянькой. В прощальный день у меня тоже подкатил комок к горлу: уж больно привязался я к мальчишке. К учебному году меня за присмотр одарили обсоуженными брезентовыми ботинками и рубахой.

После отъезда внука доверие у Паруни ко мне стало еще больше. Из школы я бежал добывать Санькину коляску, а заодно угоститься шаньгами с молоком, которые у тетки не выводились. Она уже не работала и по возрасту получала тридцатку колхозной пенсии. (Зарплата атомщика Сахарова была в то время более двух тысяч – Б.В.). Всю войну Паруня командовала в полеводстве, да и после Победы работухи переворочала ой-е-ей!

Несмотря на житейские трудности и болячки, она не растратила душевной доброты и отзывчивости к людям. В ее доме на окраине села частенько задерживались за чаепитием соседи, а порой и совсем незнакомые люди. Дальнего ли, ближнего ли путника она всегда приветит, обогреет и накормит.

Одно лето за деревней, в ближнем лесочке, стоял табор, так она и от цыган не отмахивалась, как другие. «Все божьи люди, – успокаивала она предупредительных соседей». К приветливой бабушке шли за хозяйским советом и за всякой мелочью. Она редко кому в чем-нибудь отказывала. Люди были благодарны Прасковье Васильевне.

Я ее тоже «отблагодарил». За печкой висела большая кирзовая сумка. С ней Паруня ходила в дальний сельмаг за продуктами. Однажды она замешкалась на огороде, и я, забросив коляску, нырнул в дом с волнительным намерением заглянуть в сумку. Помню, там лежали кулечки с пряниками и карамельками, а на самом дне серебряная россыпь монет. Они заинтересовали меня больше, чем конфеты, и одну двугривенную монетку я прикарманил. В другой раз сумка снова меня соблазнила, и теперь уже достал пару монеток. Сельповские сладости пересиливали мою совесть, и я продолжал безнаказанно приворовывать из кирзовой сумки.

Ее сын Александр допоздна задерживался на электроподстанции, а иногда на несколько дней выезжал на аварийные участки. Энергетикам платили прилично. Своей семьей он еще не обзавелся и к материной пенсии отдавал приличный привесок.

Как-то Паруня ушла к соседке, и меня, словно магнитом, потянуло к сумке. Но ее на привычном месте не оказалось. Порыскав по дому, я наткнулся на дядино пальто. В одном кармане лежал сильно надушенный одеколоном носовой платок, а в другом туго свернутые купюры – его недавняя получка. Я вытянул одну бумажку. Это была серо-зеленая хрустящая сотня размером в полтетрадный лист. Волнение острыми колючками пробежалось по телу: таких денег я сроду не держал. Какие-то мгновения совесть боролась с рукой, которая то вытаскивала, то засовывала деньги на место...

С сотенной я укатил в соседнее село к родственникам. Когда хозяйка с сыном обнаружили недостачу и в догадках вышли на меня, я уже разменял деньги и с полной душевной щедростью угощал сладостями двоюродных сестер и братьев.

БАСАРГА

Небольшой домик на веселом пригорке мать купила у Леоновых на пастушьи деньги. Спустишься по траве-конотопке вниз, и ты у реки с чудным названием Балахлей. В засушливое лето этот участок не так многоводен, и через него запросто можно было перебросить коробок спичек. Но через сотню метров, ближе к Чухиному омуту, река набирала силу. Тут же, у пригорка, словно разглаживая длинные водоросли, впадала маленькая речушка с не менее экзотическим названием Басарга, которую и вовсе можно было преодолеть одним прыжком.

На вид она вроде и тихая, но по весне, напивавшись талыми водами, раздавалась вширь и угрожала огородам многих сельчан. Но главная тревога в половодье все же исходила от Балахлея.

Однажды обе речки будто сговорились, и случился такой мощный разлив, что мы, междуреченские, с неделю не ходили в школу. От водной стихии тогда пострадали большие и маленькие мостики. Выручал местный рыбак дядя Митя Москвин. Он снаряжал свою просмоленную лодку и наиболее отчаянных переправлял в магазин за продуктами.

Иногда он выполнял просьбы учителей и привозил нам домашние задания. Но до них ли было, если в лесу пошел березовый сок, а взрослые, просачивая наметками мутную воду, таскали шук, чебаков, окуней. Увязывались за ними и мы, чтобы на кострищах Каролишки пообщаться к артельной ухе.

Не особо-то горевали по школе междуреченцы Ванька Китаев, Пашка Пегов, Митька Кармацкий, Ванька Бердов. Правда, был в этой компании еще Иван, и тоже Бердов. Чтобы их не путать, одного прозвали по имени матери: Ванька Дунин. В учебе он преуспевал и статус отличника не позволял ему расслабляться.

Эти парни были постарше меня и моих приятелей Кольки Демьяновича, Сашки Упорова, Вовки и Тольки Кармацких лет на пять-семь и уже познали курево, самогон и азарт картежной игры.

Затейником и заводилой у них в этом деле был Ванька Китаев. Анекдотов и забавных приключений он знал великое множество да к тому же обладал природным даром рассказчика. Бывало соберутся где-нибудь на задворках покартенничать – и Китаев начинает травить. И какая уж тут игра – побросав карты, парни со смеху катаются по траве. А он лежит, опершись на руку, и невозмутимо поковыривает былинкой в зубах. Когда публика разряжалась, Ванька, чуть улыбнувшись, продолжал: «Ну что, продри..?! – дальше будет покруче». И, оглядевшись, нет ли поблизости «мелюзги», вроде нас, выдавал анекдот с перчинкой.

В годы моего детства сельские улицы еще не имели наименований и прозвище к этой окраине Кротово – как ни странно, прижилось не от большой реки, а от Басарги.

«Ты где живешь? – За Басаргой».

«Куда по грибы пойдём? – За Басаргу».

Или: «За Басаргой у Каролишки все перепахали, и скотину негде пасти».

Человек уже побывал в космосе, а у нас все еще не было электричества. И печки некоторые экономные хозяйки растапливали соседскими угольками. Занять кусок мыла, щепотку соли или сахара, перехватить «до завтра» хлеба было в порядке вещей, и ни кем из соседей не осуждалось. За Басаргой был подходящий типаж для съемки дореволюционного кинофильма: некоторые дома стояли под экзотической дерновой и берестяной кровлей. Вместо большака шла торная дорога, покрытая густой и теплой пылью. Машины по ней ходили крайне редко, но когда вечером прогоняли с пастбища скотину, облако чернозема долго висело над дорогой, словно не стадо прошло, а колонна танков.

Но, несмотря на отсутствие цивилизации, жить в междуречье мне нравилось. Здесь практически все знали друг друга поименно, а двери домов закрывались на замок только в случае

дальнего отъезда. Собаки и те принялись и не гавкали на ближних соседей, и только петухи никак не могли сговориться и «сверить» часы.

И все-таки мне не давало покоя столь загадочное название Басарги. Познав на уроках истории некоторые факты татаро-монгольского нашествия, я фантазировал:

«В конце 16 века, в один из жарких летних дней, полчища хана Кучума, преследуемые дружинами Ермака, остановились у небольшой речки. Хотя и не широка она была, но коню перескочить ее не под силу. Чтобы удостовериться, один из ханских нукеров разогнал своего скакуна, но на выходе на другой берег конь не дотянул и завалился. Отряхиваясь от тины, всадник сердито выругался: «басарга!». И тогда главный воинский начальник приказал конникам выпить неприступную речушку до дна. После того как полчища Кучума осушили бедную речку, вытоптав до последней травинки берега, она долго болела. Маленькие лесные ручейки и роднички «вылечили» ее, и после весеннего снеготаяния она вновь набрала прежнюю силу. А от сердитого ругательства татарского воина пошло ее название «Басарга».

...За Басаргой уже весна,
Черны снега, и небо сине.
Оно, раскинув облака,
Лежит на крышах послезимних.
Поют залетные скворцы,
И лужицы блестят на солнце.
Вот – вот появятся птенцы
И в избах распахнут оконца...

СРЕДИ ДОБРЫХ ЛЮДЕЙ

*...Пройдусь по бывшим улицам,
Где молодость прошла,
И вспомню поименно
Вех жителей села.*

...Ребята, с какими людьми я встречался. Каких стариков и старух глубокознающих застал в живых! А их лица, походки, жестикуляция – МХАТовским актерам поучиться бы!..

– *Совхозный пастух Илья Александрович Аксенов:*

– Я Володимер знаш, как коня люблю! Он никогда на меня не заругатса, не то, что моя Наталья. – При этом он, не брезгуя, целовал своего вороного.

– *Кльишниковая Ирина Матвеевна («флотчиха»)*. Больше девяноста лет продержалась на земле. Мы по-соседски дружили с ее внуком Васькой, который рассказывал, что бабушкин муж служил на флоте. Отсюда и необычное прозвище. На ней зиму и лето было бессчетное количество юбок, и трудно было определить, из какого потаенного кармана она доставала ключ от сундука, где деньги лежат.

– *Тетя Нюра Фуфаева («Фуфаиха»)* – тоже соседка. После смерти Сталина по стране поползли слухи о войне, и она, тогда еще из Советской Украины, со своими малолетками Андрюшкой и Витькой приехала в Кротово и поселилась в «кургане». Однажды Витька обидел мою сестру Таньку, и моя мать надрала ему уши. Фуфаиха при встрече в отместку отвозила ее тяжелой кирзовой сумкой – таким способом была скреплена дальнейшая дружба двух одиноких женщин.

– *Иван Святкин*, немного родственник. Мне было лет тринадцать, когда мы в одной «бригаде» пилили дрова, и он целый день меня «таскал» на пиле. Проворный был мужик. Срубит березу потолще пивной кружки и целиком тащит в село. А во дворе разделает ее: что на жерди, что на дрова, а из веток веников навяжет.

– *Тетя Анна Катюшина*, портниха. Маленькая и горбатенькая, она во время разговора, прихрамывая, обходила человека кругом, улыбаясь, обсматривала, словно собиралась снимать мерку.

– *Василий Карпухин* – неплохой сапожник, конкурент моего дяди Николая. Глухонемой от рождения, он при разговоре издавал звук автомобильного стартера, после чего иногда вылетало едва понятное слово.

– *Петр Иванович Кармацкий*, участник русско-японской войны 1904 года. По утрам ему замешивали тесто, и он для «конфорту» подкладывал его под культу, прежде чем пристроить вместо ноги деревягу.

– *Дядя Вася Белан*. Тоже пришел с фронта с «трофеем» – деревягой. Но как он на одной ноге стога вершил, смотришь – словно яичечко!

– *Анатолий Воробьев*, мастер спорта по борьбе, учитель физкультуры в Кротовской школе. Вспоминается, как на одной из гулянок в районе Каролишки он под общее одобрение учительской компании уложил директора Штейна на лопатки прямо... в муравейник.

– *Суйкова Екатерина Петровна*. Мало кто ее величал по отчеству, а фамилию и вовсе не знали. Тетя Катя и все. Удивительная была старушка. Я не раз видел, как она голыми руками вынимала из печи чугунок с варевом для скотины и несла его остужаться в сенцы. Позднее я поинтересовался у знакомого физика. И он мне растолковал: «пока в чугунке что-то кипит, его можно спокойно брать за нижнюю часть незащищенными руками». Гостеприимству тети Кати

не было предела. В ее домике всегда можно было обогреться. Особо знакомых она непременно усаживала за стол. А сколько квасу я у нее выпил в летнюю жару!

– *Иван Самарин*, заведующий пилорамой. Без малого полтора центнера весил дяденька. Жил он в деревне Вилково и ездил к работе на лошади. Когда он усаживался в повозку, она прогибалась до критического состояния. Подобных тяжеловесов в округе не было.

– *Михаил Южаков* – «король» бензозаправки. Вот времена были: бензин и газвода в одной цене! Мой корреспондентский транспорт он иногда заправлял и за спасибо.

– Особо бы хотелось отметить в разделе минипортретов *Иосифа Поступинского*, *Наполеона Буйнова* и *Лаврентия Зануду*. Таких редких имен, как у них, в Кротово больше не было.

Оська Поступинский был у молодежи в авторитете, а кое-кто его и побаивался. Он приходил на сельский стадион, где старшеклассники сдавали стометровку и шуточно предлагал физику:

– Ставь, Василий Евдокимович, на финишной поллитровку, я с рекордной скоростью прибегу!

Лаврентий Зануда, кузнец. Невысокого роста крепыш, он приходил в спортзал, где мы, 7—8классники, с натугой тягали сорокакилограммовую штангу и, улыбаясь, спрашивал: «Что вы тут поднимаете?» Затем брал наш «рекордный» вес и без особого напряжения несколько раз выжимал его одной рукой.

– *Володя Zubov*, тракторист. Летними вечерами мы, искупавшись за день до десятка раз, ждали его аттракциона, когда он придет на Чухин омут умываться после работы. Разжигая азарт, он неспешно раздевался, тщательно намыливался и бесшумно уходил минуты на 2—3 под воду. Пронырнув без единого всплеска метров тридцать, он оказывался где-нибудь на другом берегу в зарослях кувшинок.

– *Максим Дюрягин*, в народе Максим Перепелица или чудак №3. Небольшого росточка «нетоварного» вида. И жена то его далеко не Мерилин Монро, но произвели на свет красавца сыночка. Когда он приезжал разодетый, как лондонский денди, местные «воздыхательницы» сходили с ума.

– *Дядя Вася Крикунов*, директор маслозавода. А по-простому я его называю, потому что с его сыном Славкой мы дружили. На маслозаводе мы частенько подрабатывали. Летом в сезон сенокоса подвозили к стогам копны. В совхозе за одну ходку платили пять копеек, а маслозаводские отваливали по гривеннику, да еще сливок на полевом стане напивались от пуза. Хорошие заработки были и на изготовлении тары под масло. Было время, маслозавод выдавал в сутки до двух тонн готовой продукции. Местный бондарь *дядя Леня Симонов* «зашивался», и тогда к сборке деревянных ящичков подключался его сын Петька. Случалось поучаствовать в этих «авралах» и мне.

– *Баба Маня Упорова*. Внуки ее звали «мама старая». Очень душевная была старушка. Когда на Рождество приходили к ней славить, она усаживала на подушку или овчинный полушубок (чтобы велась птица и овечки) и угощала нас.

– *Иван Филиппай*. Был он длиннорук и узкогруд, но чертовски проворен. Крепче его в совхозе никто навильники не поднимал. На стогомете брал на вилы столько сена, сколько сдюжит черенок. А черенки в его ручищах лопались, как карандаши. В МТМ кто-то предложил приварить к вилам трубу-двухдюймовку. Но тогда нужно было усилить и сами вилы.

– *Николай Чухин*, шофер, весельчак, говорун. Его отец Илья Егорович прожил больше сотни лет, и старше его я не знал.

Как-то в «районке» пропечатали его в кабине автомобиля. Его – не его. Снимок был невзрачен, но подпись под ним четкая. Но главный конфуз – кабина в перевернутом виде. При первой же встрече Николай Ильич иронично упрекнул: «Ну, ребята, на разных машинах ездил, всяко бывало, но чтобы вверх колесами!!!»

– *Максим Московкин*, мастер совхозного стройучастка. Я его вспомнил, когда оформлялся на пенсию. Прикинул, а ведь под его руководством с 12 лет начал работать. Но оказывается, все это в счет не идет. В школьные каникулы мы старались хоть что-то заработать на свои и на семейные нужды. Сенокос, прополка сосенок в местном лесничестве, заготовка дубовой коры; счастливицам удавалось поработать на кирпичном производстве. Московкин брал всех, но и крепко надувал при расчете. Иной месяц по его нарядам мы и по червонцу не зарабатывали, хотя в нарушении всех трудовых кодексов трудились с утра до вечера. Прошло много лет, и он нашел меня в редакции. Его по каким-то причинам стали притеснять, и он искал защиту.

– *Татьяна Степановна Войщикова*, учитель географии. Почему-то я считал ее самой строгой и самой старой учительницей в школе. Может потому, что она еще учила моего дядю Мишу, и он, мальчишка из бедной раскулаченной семьи, помогал ей по хозяйству, и она его подкармливала.

– *Александра Ивановна Сорокина (Сорочиха)* – маленькая юркая старушка, большая огородница. Как только начинался учебный год, она подгадывала к школьной перемене с корзиной красных помидоров. По 5 – 10 копеек, в зависимости от размера, мы расхватывали их словно какой-то заморский продукт. Дома ругали: «С голодного краю что ли, вон свои есть!» Но свои не успевали дозреть и съедались чуть побуревшими. Ходили слухи, что до «краснощекости» она их доводила какими-то укольчиками. Зимой у Сорочихи тоже был приварок: привозила к школьному крыльцу на санках творожные сырники – лакомство вместо мороженого, которого мы – сельские ребята – не знали.

Ее звали спекулянткой и никогда по имени....

...В последнее посещение Кротовского погоста увидел небольшого юркого мужичка, снующего между могил и раскладывающего угощение. Он обошел с десятков, а может больше захоронений, и возле каждого перекрестился и что-то положил. Я не думаю, что у него тут столько родственников. Вполне вероятно, что он памянул и своих бывших соседей, знакомых, друзей...

Вот и я, только в другой форме: по строчке, по безобидной фразочке «положил» (посвятил) моим землякам в своих трех книжках.

...Описал, что в детстве видел,

Все, что друг мне подсказал.

Пусть простят, кого обидел,

Да о ком не рассказал.

* * *

В скромном спецвыпуске районной газеты «Слава труду» о двухсотлети Кротово, к большому сожалению, составители не упомянули известных уроженцев села: полковника, теперь уже в отставке, Петра Дмитриевича Чухина; уральского ученого, преподавателя Свердловского горного института Ивана Афанасьевича Бердова; доктора физико-математических наук, ученого с мировым именем, челябинца Александра Николаевича Брызгалова и других, некогда покинувших родные гнезда и посвятивших себя избранному делу.

ФОТОГЕНИЧНАЯ ПРОФЕССИЯ

Интервью

Грамотей

Мимолетное знакомство

Нетипичная журналистика

Плагиат и штампы

Фотогеничная профессия

«Говорит Аромашево»

Соблазны

Где вы, юные дарования?

Один из выпусков института «Гармония» при ТЦ «Амурский»

Кроме начального, общего, среднего и высшего образования есть еще «наивысшее» – дополнительное, которое позволяет молодым людям сориентироваться в выборе жизненного пути.

Интервью

*У хорошего корреспондента и корова мычит, а у плохого и доярка молчит.
Редакторская поговорка*

Редактор с чеховской фамилией Беликов поручил ко дню легкой промышленности написать о торжественном мероприятии текстильщиков. В зале Дворца культуры с сервированными по-праздничному столиками нашелся отдельный уголок и корреспонденту.

После многочисленных речей, пожеланий, награждений и разогрева под хорошие закуски гости расслабились и, по моим расчетам, вполне «созрели» для интервью.

Соблюдая определенный этикет, поклевал вилкой некоторые деликатесы, к спиртному, однако, не притронулся. Мои сверхскромность и одиночество с блокнотом заметили. Через некоторое время, проявив находчивость, начальница одного из цехов делегировала к моему столику двух прекрасных дам. Ни интервью, ни дружеского знакомства с молодыми текстильщицами в тот вечер не предполагалось: свои вопросы я подготовил увешанным орденами и медалями ветеранам. Но девчата, как две обворожительные бабочки, вспорхнули передо мной и присели напротив, обдавая нежностью духов.

– А вы почему, молодой человек, скучаете? – белозубо ослепила одна из них.

– Вот, готовлю заметки для газеты, – отпарировал я.

На что вторая спутница, чуть смущенно пододвигая уже наполненные бокалы, предложила:

– Давайте выпьем за вашу газету, за вас и, конечно, за нас, работников легпрома!

Дальше пошли тосты более романтические и шуточные, сопровождая которые девчата только обмакивали в бокалы губы, а я, демонстрируя молодецкую удаль, опрокидывал по полной...

Домой я приплелся за полночь и мало, что помнил. Молодая жена и теща проглядели все окна, ожидая хозяина. Были более благоприятные семидесятые, и меня, слава Богу, не раздели на улице и не ограбили.

Редактор Вячеслав Михайлович был не доволен. Вместо запланированного интервью пришлось втиснуть «прокисший» тассовский материал.

Девчат, которые «по-комсомольски» укатали меня на вечере, я больше не видел. Да и как их узнать в цехах среди сотен таких прекрасных и неповторимых. И только начальник тростильного цеха Татьяна Анисимова при встрече загадочно улыбалась: подосланные ею «агенты» справились с задачей отлично!

ГРАМОТЕИ

*Зинаида Гинадиевна
самая лучшая учитель рускава*

(надпись на детской площадке)

Будучи членом жюри городского литературного конкурса среди школьников, просматривал и отбирал десятки присланных сочинений. Некоторые «акулы пера» писали: «рыца» (рыться), «оррестовали», «счас», «щетаца» (считаться) и много другого забавного. По этому случаю мне вспоминался армейский финансист – подполковник Егоров. В отчетных документах он устоявшимся каллиграфическим почерком выводил «истче» (еще). «Кто делает больше ошибок в этом слове?»

В редакцию воинской газеты «Ленинское знамя», куда меня определили после учебки, я пришел уже с некоторым корреспондентским опытом. На втором году службы начал баловаться стихосложением, напечатал несколько патриотической направленности стихов и даже засветился на семинаре начинающих, который проводил писатель Роман Солнцев. Это было время, когда певец енисейских берегов и очернитель Великой Отечественной Астафьев гнал плановые строчки в одном из отделов газеты «Красноярский рабочий».

Как-то в редакцию пришел Герой Советского Союза. Представившись, он положил на редакторский стол школьную тетрадку:

– Стихи, посвященные маме, хочу у вас напечатать!

Приняв тетрадку и мило распрошавшись с Героем, редактор вызвал меня к себе:

– Поскольку ты у нас главный стихоплет, поручаю тебе разобраться с содержанием этой тетрадки.

И уже мягче и ироничнее добавил:

– Володя, сделай так, чтобы не обидеть заслуженного человека!

Читая вирши ветерана, вспомнил неподдельную иронию майора. Первая страница корявого почерка начиналась примерно так:

«Ты сидишь, моя старушка

У окна своей избушки, спицами шебурша...»

На этом рифма заканчивалась, и дальше все под Пушкина с переходом в прозу. И юный «Белинский» в солдатской форме на страх редактору все забраковал.

Журналистский наставник, фронтовой политработник Михаил Алексеевич Филимонов рассказывал, как один известный генерал принес Сталину письменное изложение обстановки во вверенных войсках. Через несколько дней Иосиф Виссарионович пригласил его к себе и, возвращая рапорт, пожурил: «Жаль, что вы русский язык уважаете меньше, чем я, грузин, и указал на грамматические ошибки».

Моя теща Мария Ивановна как-то пошла в сберкассу снять двадцать пять рублей (советских). Взяла бланк и задумалась: «Как же пишется „25“ прописью: отдельно или вместе?». Постояла, постояла и написала «сорок», потому что и «тридцать» забыла, как пишется: училась то еще до войны.

А с матерью было еще комичнее. Она никогда не училась, грамоту не знала, а в обиходе ее проскакивали труднопереводимые слова. Например, когда на окраине села расположилась нефтеразведочная экспедиция со своими вагончиками, она называла эту организацию не иначе как «испи? диция», а ее сотрудников – «офтяники». Переехав в город к дочери, она шифоньер называла «фанер». В пенсионной ведомости она рисовала первые три буквы своей фамилии, которые выучила за несколько месяцев сельского ликбеза.

МИМОЛЕТНОЕ ЗНАКОМСТВО

*Еще на ветках ни листочка,
Сквозь гомон улиц городских,
Куда ты, маменькина дочка,
Куда ты, в туфельках таких?*

Этот отрывок из лирического стихотворения московской поэтессы Ларисы Таракановой почти сорок лет не выходит у меня из головы.

Небольшая предыстория. Летом 1972 года на тюменской земле проходил литературный праздник. Десятки известных писателей и молодых собрались сначала в областном центре, а потом разъехались по районам. Аромашево, где я работал в райгазете, они почему-то обошли и остановились в соседнем Сорокинском районе. Я переговорил с редактором Леонидом Устюговым, и он откомандировал меня туда как спецкора. Сорокино я знал хорошо. Не так давно село Кротово, где я учился, было в подчинении этого района; местный военкомат призывал меня в армию. Здесь было много знакомых, но главное, в сорокинском фотоателье обосновался мой хороший приятель Николай Попов. Он то и известил меня по телефону о приезде высоких гостей.

Так, благодаря «зоркому глазу» Николая Петровича, в моем альбоме появились фотокарточки с того литературного мероприятия: вот я в группе писателей, а на двух других снимках о чем-то говорим, а может, даже спорим с Ларисой Таракановой. Совсем недавно у двадцатилетней девчонки вышла книжка-первенец «Птица воображения», и она наизусть продекламировала мне несколько стихотворений. С легкой руки знаменитого омича Леонида Мартынова, теплых рекомендаций Булата Окуджавы и Юлии Друниной ее по этому небольшому сборнику приняли в Союз писателей.

Я рассказал Ларисе о трагической судьбе местного поэта Владимира Белова. Она сочувственно жалела, что их плотный график литературных мероприятий не позволяет ей встретиться с этим человеком.

С той памятной встречи прошло почти сорок лет. Какой она теперь стала, хрупкая московская блондинка? Из публикаций знаю, что Тараканова была делегатом 17 съезда ВЛКСМ, а это, по советским меркам, тоже немалый взлет. Сегодня у Ларисы Владимировны семь поэтических книг и замечательные исследования жизнедеятельности Петра Столыпина.

Говорят, что поэты нынче ни в чести. Но это ни про ее проникновенное творчество
... Что делать мне на празднике чужом?
Помалкивать. Потягивать боржом.
И из себя глядеть, как из дупла,
и чують наступление тепла.

«ГОВОРIT АРОМАШЕВО» **(к 40-летию районного радиовещания)**

В старом здании аромашевской восьмилетки поручили организовать радиоредакцию. Наспех отремонтированное помещение обставили мебелью и необходимой радиоаппаратурой, в которой я мало что понимал. До армии знал дешевенький приемник – проигрыватель «Серенада», за который мать выложила в промтоварном магазине почти месячную зарплату. Приставленный для технического обеспечения долговязый связист Женька Артемов успокоил меня и показал, как нужно щелкать магнитофонной клавиатурой.

С месяц я присматривался, прилаживался к технике звукозаписи и столько же стажировался на областном радио. Вещание планировалось проводить два раза в неделю по 15 – 30 минут. Никогда бы не подумал, что эти минуты так «прожорливы»: чтобы их заполнить, приходилось пылиться по совхозным дорогам: готовить материалы с полей и ферм, привлекать к выступлению специалистов сельского хозяйства и других направлений. В семь вечера подходили дикторы – зав. отделом культуры Лидия Петрова и звонкоголосый школьный трудовик Валентин Плесовских. Я с волнением включал тумблер, и трансляция растекалась по проводам, словно по жилам, на двадцатитысячную аудиторию района. Иногда по техническим причинам радиопередачи срывались, и идеологический куратор Тамара Николаевна Терентьева меня слегка журила.

Как-то пригласил для выступления председателя райисполкома, бывшего кротовского агронома, Стрелкова. С первых минут звукозаписи было понятно, что Михаил Александрович нечасто имел дело с микрофоном и поэтому волновался. Чтобы не смущать земляка, показал ему, где выключить магнитофон после записи, и вышел из студии. Когда через какое-то время вернулся, застал комичную картину: раскрасневшийся предрика сидел в ворохе распущенной пленки и нервно тыкал пальцами по магнитофонным кнопкам, пытаясь остановить непослушный агрегат.

Глянув на меня, он досадно психанул:

– Что это за техника?!

Я объяснил ему, что из-за нехватки пленки приходится работать на склеенной, которая в любой момент может оборваться.

На следующий день он свел меня с начальником райфинотдела Фининым и дал указание выделить на нужды радиовещания необходимую сумму. Катушками магнитной ленты я запасся на целый год. Купил приличные микрофоны, а подвернувшийся кротовский умелец Вовка Кондрюков собрал микшерную установку. Деньги еще остались, и в ведомстве Тимофея Михайловича Киргинцева пошили шторы и звукоизолирующие экраны.

Не меньший конфуз у меня был и с первым полевым радиорепортажем. В то время производственными делами славилось полеводческое звено Виктора Григорьевича Горлова. Его постоянно осаждали местные и заезжие корреспонденты. Перед человеком с блокнотом он чувствовал себя уверенно – сколько их перебивало! Но когда впервые поднес к его обветренному лицу головку микрофона, он оробел, заволновался и ничего, кроме «пыков» и «мыков», вперемешку с глубокими вздохами и покашливаниями, записать не удалось. Намучив знатного звеньевоего, с третьего или четвертого дубля репортаж на фоне рокочущей техники все же удалось сделать. Смонтированный при помощи ножниц, материал прозвучал и даже получил какие-то вдохновляющие отклики начальства. Со временем Горлов привык к микрофону – ликбез давал результаты, и мы смело выходили на тюменский областной радиоэфир. А репортажи с «заплатками» еще долго помнились.

Анкетирования среди радиослушателей никогда не проводилось, и я не знал, говоря по современному, рейтинга своих передач. Но однажды все же поэкспериментировал, и в одной из них объявил о концерте по заявкам ко дню 8 марта. К моему удивлению, пришло около пятисот писем. Целый день я их распечатывал и рассортировывал. Из нескольких безымянных конвертов с волнением прочитал любовные признания. Вот тебе и рейтинг! Я точно знал, что моими неизменными и постоянными слушателями были родственники, друзья, соседи, герои передач и, конечно же, райкомовские кураторы. Двоюродные братья прозвали меня «Горит Аромашево» – так с проглоченным слогом звучало вечернее приветствие. В минуты местного вещания они, похихикивая, теснились у репродуктора и после передачи делали мне технические замечания, о которых я и сам знал.

Когда из радиовещания меня перевели на другой идеологический участок, эту хлопотную должность поочередно занимали два Юрия: недавний выпускник школы Юра Палагин, которого я какое-то время опекал и поднатаскивал, и Юра Мандрика – уже опытный журналист – газетчик из приезжих. Вот с ним-то и случился один курьез.

В годы партийного всевластия радио, как и газету, нельзя было назвать безобидным пропагандистским инструментом. Наряду с хвалебно-положительными материалами, проскакивала и малоприятная критика. В одном из своих «эфиров» Юрий Лукич посягнул на человека из клана «неприкасаемых» – начальника райсельхозтехники Пронозина. Как бы сейчас сказали, прыгнул за флажки. Своенравному чиновнику радиокритика не понравилась, и он, в порыве крокодильского гнева, не только отчитал корреспондента, но и разбил магнитофон, хрястнув его об столб.

Об инциденте стало известно в райкоме, и грубияна обязали извиниться и возместить причиненный ущерб. Извинения Юрке были не нужны, а вот приобретение нового портативника – кстати. Он давно мечтал сменить свою развалившуюся аппаратуру.

Когда-то известный московский радиожурналист Юрий Летунов назвал радио «великим говорящим». Сегодня к радио другое отношение, не во всякой сельской избе и городской квартире есть репродукторы. Их заменили десятки телеканалов и всепожирающий Интернет, хотя именно он помог мне наладить связь с аромашевским радио. Как далеко шагнула техника, и я безмерно рад, что живет мое радио, пробиваясь сквозь густую информационную сеть. Прислушайтесь земляки: как и сорок лет назад «Говорит Аромашево»!

НЕТИПИЧНАЯ ЖУРНАЛИСТИКА ПО ЛОШАДЬ...

В аромашевскую районную газету он принес толстую тетрадь стихосложений. Была ли у него цель напечататься, не знаю, но я тогда в них творческой ценности не нашел. Да и можно ли было напечатать такое:

Все правленье матюком:

«Никого я не боюсь!».

Так частенько рассуждает

Овчинникова Дуся...

И все что-то в этом роде.

Позднее я узнал, что Овчинникова Дуся – скандальная соседка Ширшова, с которой они не поделили кусок огорода. А в общем, Петр Яковлевич был человек добродушный. И даже когда я потерял его поэтическую тетрадь, он не сильно обиделся:

– Не переживай, я их по памяти восстановлю, — дружески похлопав меня по плечу, успокоил он.

По его рассказам, стихи Петр Яковлевич начал строчить на фронте под впечатлением прочитанного в армейской многотиражке симоновского «Жди меня». Каталог для любимой Пелагеюшки, для родственников, веселил в минуты затишья однокопников.

С войны Ширшов вернулся без единой царапины. Кроме медалей «За взятие...», видно по недосмотру штабистов, трижды был награжден медалью одного достоинства «За отвагу», что по меркам царского времени вполне могло соответствовать званию Георгиевского кавалера. Помню, написал об этом в «районке», не приводя, конечно, аналогию с царскими наградами (цензура в советское время была на высоте), чем еще больше расположил к себе старика. Хотя ни одно его стихотворение не увидело свет, мы сдружились, и я часто пропадал на его пасеке. Кроме работы с пчелами, он шорничал, гнул на заказ дуги для упряжи. За последнее я ему немного выговаривал: материалом для дуг служила черемуха, которую он вырубал за селом вдоль реки Вагай. Хозяйство он держал крепкое. Кроме коровы и овец, в загоне стояла лошадь, а под навесом, укрытые брезентом, «Жигули» – подарок сыну.

Еще с хрущевских времен к частным лошадиникам было негативное отношение. Лошадей попросту запрещалось иметь в личном подворье. Уж куда только не обращался ветеран – непробиваемо. «Нечего кулатчину разводить», – отвечали в районных кабинетах.

В одну из наших встреч он поделился намерением съездить и похлопотать в облисполком. Уговорил и меня составить ему компанию:

– Проезд и прокорм беру на себя, – восторженно хлопнул он по карману!

Как и многие старики, пережившие лихие тридцатые-сороковые, Петр Яковлевич был несколько скуповат, а тут расщедрился и взял нам билеты на самолет.

Было такое благо у аромашевцев в 70-е: на отведенную за селом площадку дважды в день приземлялся тюменский «Ан-2», прозванный в народе «кукурузником». Регулирование перевозок обеспечивал начальник «аэропорта» Дубасенко. Всякий раз перед прибытием очередного рейса он брал в руки хворостину и прогонял с взлетной поляны приблудившуюся скотину.

Мы летели первым рейсом. При посадке одна дамочка насмешила. Поднявшись по ступенькам и глянув на деревянные лавки вдоль салона, она брезгливо отшатнулась:

– Ой, мне наверно не сюда?!

– Сюда, сюда, – скомандовал летчик-весельчак, легонько подталкивая ее в мягкое место.

В полете многие перебивались, в их числе и я.

При выходе из самолета, слабаки еще раз дружно испражнились на взлетку.

– Эх, вы, десантники! – весело гоготали летчики...

Сын Петра Васильевича Володя работал в одной из тюменских больниц. У него и остановились. С медалями на ширшовском пиджаке и моими партийными корочками мы на другой день пробились до приемной облисполкома. Симпатичная дамочка с вороньим гнездом на голове пояснила:

– Лев Николаевич в Москве. Будет не скоро, обратитесь к заместителю или оставьте ваше заявление в отделе.

В тот день мы так никуда и не попали. Не стали оставлять и письмо. Такое можно было послать и из дому. В «Тюменской правде», куда я заскочил, журналист-аграрник Сашка Васильев тоже развел руками:

– Тут, пожалуй, и исполкомовская бумага не поможет. Указ-то сверху спущен!

Через пару дней, оставив в полном огорчении старшего товарища, я уехал: отпрашивался с работы ненадолго. Ходил ли Петр Яковлевич по областным инстанциям, я не знаю. А лишний раз раздражать его вопросами не стал. Однако вскоре он продал своего вороного цыганам, которые стояли табором под Юрминкой. Для них-то законы были не писаны.

Обиды в отношении меня Петр Яковлевич не высказывал, но я чувствовал вину в том, что как корреспондент не смог ему помочь.

Вскоре я переехал в Омск, и наши дружеские отношения поддерживались какое-то время перепиской.

В последний раз мы встретились с Ширшовым в 1989 году, когда Великое государство доживало последние месяцы. В стране была полная вседозволенность. А уж лошадей – хоть табун заводи. Но силы Петра Яковлевича уже были не те. Распродав все свое хозяйство, переселились они с супругой Пелагеей Андреевной доживать к старшей дочери в Тюмень. Сильно постаревшего и побелевшего старика все также не покидало чувство юмора. За чаем мы посидели, посмеялись, повспоминали о былом, о грустных и веселых аромашевских приключениях.

А уж какие злоключения надвигались на страну! Хоть и кощунственно это рассуждение, но, наверно, к лучшему, что ни фронтовик Ширшов, ни другие, ушедшие к этому времени старики, не увидели этого драматизма.

ЗА ПРАВДОЙ...

Наряду с другими газетами беру иногда ради интереса и сравнения газету «Правда». Когда-то она была «Маршалом» среди всех средств массовой информации и подступиться к ней было сложно. А сейчас?!

...В начале 80-х меня, редактора газеты омских текстильщиков, направили на десятидневные журналистские курсы в Москву. Узнав о моем отъезде, ко мне обратилась с просьбой инженер кордной фабрики Валентина Зайцева. Она рассказала, что в одном из алтайских уголков, где проживает ее сестра, люди никак не могут достучаться до тугоухих начальников, чтобы отремонтировали мостик через небольшую речку. Он связывал их деревню с большим селом, где была школа, больница и все социальные службы. Молодежь рискованно перескакивала через прогнившие жердочки настила, а людям постарше приходилось делать трехкилометровый крюк через дальний мост.

С надеждой, что я пристрою ее просьбу в столице, она передала мне письмо, к которому было приложено несколько обличающих фотографий. Эту заготовку она сделала давно и сама хотела ее отвезти, но случая не представлялось.

Семинар проходил без особой строгости, и многие пользовались этим, праздно шатаясь по Москве. Выкроил и я время, чтобы пойти за правдой в «Правду».

Перед кабинетом с табличкой «Отдел писем» столпилось около десятка таких же, как я, ходяков. Но очередь подошла быстро. Передо мной выскочила раскрасневшаяся дамочка и, хлопнув дверью, нервно бросила:

– Если мне здесь не помогут, я буду жаловаться в Организацию Объединенных Наций!

«Вот как!» – подумал я и робко вошел в просторный кабинет.

Просмотрев алтайские материалы, пожилая сотрудница редакции заявила:

– Нет, нет, ваше письмо я не возьму, мы тут и так увязли в периферийной почте!

Но я не отступал и настаивал, приврав, что люди специально меня откомандировали в уважаемую газету. Женщина смягчилась и, положив письмо в папку, зарегистрировала его в специальном журнале.

Семинар закончился. Кроме учебной программы, организаторы побаловали нас культурными мероприятиями и экскурсиями по Москве.

Вернувшись с учебы «поумневшим», я быстро вошел в рабочий редакционный ритм и уж совсем забыл об алтайской жалобе. Но инженер Зайцева напомнила и пришла ко мне в кабинет с сувенирами в виде «рябины на коньяке» и коробки конфет.

– Какой вы молодец! – захлебываясь от восторга, благодарила она. – Сестра звонит мне и говорит, что понаехали на черных «Волгах» несколько «шляп», техники понагнали и все сделали в лучшем виде.

«Сработала уважаемая газета!» – загордился я. И тут же вспомнил ширшовские хлопоты, в которых мы не смогли отстоять его конягу...

Плагиат и штампы

Исследователи предполагают, что «Король Лир», «Отелло», «Ромео и Джульетта», «Гамлет», «Леди Макбет» и другие мировые шедевры драматургии не принадлежат перу Шекспира. Якобы шотландская королева Мария Стюарт, которая полтора десятка лет находилась в заточении, тайно оттуда посылала рукописи. Та же история с теорией относительности Эйнштейна: ход решения Альберту подсказала его жена.

Если бы библейский первочеловек Адам был писателем, то ему единственному можно было стопроцентно не приписывать плагиатство. Современное искусство и литература особенно сильно грешат заимствованием идей и мыслей из ранее обнаруженных произведений.

У многих писателей можно обнаружить целые куски тургеневского, пришвинского или бунинского природоописания. Поднатарелый и опытный читатель, вероятно, их «пролистнет», а для писателя это дополнительные строчки, странички, объем и гонорар. Замечательные пушкинские повести укладываются в несколько десятков страниц, а сегодня их бы «раздули» в толстенные тома. Так и в кинорежиссуре, когда одночасовой сценарий «размывают» до бесконечности. К тому же при переэкранизации старой картины у режиссера-новичка невольно возникает соблазн ввести какой-нибудь выигрышный кусок материала в свою работу.

Журналистская среда тоже сильно поражена ржавчиной плагиатства и шаблонства. В иных изданиях считают, что достаточно в заметке, корреспонденции поменять место действия, фамилии, и материал готов.

В армейской типографии, где я служил, офицеры-журналисты делали еще смешнее. В заметках-трафаретках, которые сдавались к нам в набор, они вместо фамилий ставили несуряцицу: «Табурет Скамейкин», «Иозиф Швейк», «Фома Опискин» и т. п. Такая находчивость позволяла ускорить выпуск газеты (ручной набор – дело кропотливое). Пока они вызванивали из частей лучших и достойных, заготовки были уже набраны, и вместо «табуреток» и «скамеек» мы ставили реальные фамилии и имена воинов.

Когда после службы пришел работать в городскую газету, один старый сотрудник учил меня коллекционировать заголовки из газетных публикаций. Кроме того его толстенький блокнот был заполнен дежурными штампами и образами, выписанными из других источников. Он был ответственным секретарем, и все материалы на верстку проходили через него. И здесь, не всегда в пользу, наставник вмешивался со своим цитатником.

Как-то в одном из номеров журнала «Юный натуралист» прочитал замечательное стихотворение за подписью школьницы. Мне показалось оно очень знакомым, и, порывшись в библиотеке, я нашел его в сборнике поэта Александра Яшина. Недобросовестная семиклассница списала-скопировала все до запятых. На мое письмо из редакции мне ответили, что у них нет библиографа, а девочке уже выплатили гонорар.

...Ну ни одной строчки не позаимствовал, когда я, восьмиклассник, написал за своего друга, десятиклассника Славку Крикунова, школьное сочинение на свободную тему. Мне казалось, оно написано хорошо. Да и вообще я уже считал себя «писателем» тридцатистрочных заметок. Славке вкатили двойку. Литераторша сказала, что он это откуда-то списал. А я всего лишь описал наш с ним и еще с одним другом Петькой двухдневный поход на рыбалку во время летних каникул.

(Фрагмент занятия со слушателями института «Гармония» в мае 2005 г.)

PS. К сожалению, довольно крепко поражен инфекцией заимствований чужих идей и мировой научно-технический прогресс.

Фотогеничная профессия

Пожелтевший от неправильной лабораторной обработки снимок, с надписью на обороте: «Моя мечта – журналистика!». Мне там от силы семнадцать, и о журналистике я знал из голубой «Кругозоровской» пластинки с песней:

Пусть ты – журналист,
И пусть мне трудно ждать...

Точного и полного текста этой грустной песни я не помню, но тогда, сорок с лишним лет назад, часто ставил на проигрыватель гибкий диск. Были незначительные публикации в «районке», которые не давали полного права называться журналистом. И тем не менее, по каким-то причинам эта профессия засела мне в голову.

В нашем селе не было ни писателей, ни журналистов. И только всезнающий художник-оформитель Николай Богданов смог растолковать суть этой профессии. Как-то вечером он принес мне справочник редактора и корректора.

– Одного справочника недостаточно, – наставлял он. – Журналистике нужно учиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.